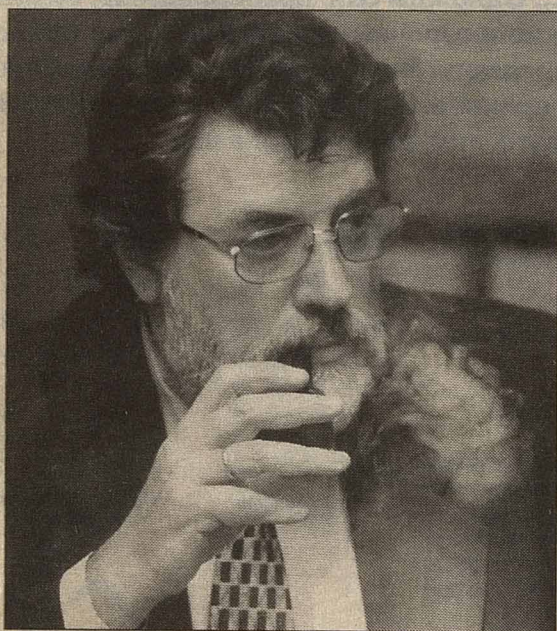

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

вирус актерства - штука эмбриональная

Встреча - 2004 - 22 ноября - с. 4, 5

Александр Ширвиндт: Хочу сделать пародию на юбилей

На прошедшей неделе все прогрессивное театральное человечество нашей страны отметило 70-летний юбилей знаменитого «дяди Шуры» — артиста, режиссера, шоумена, а с недавних пор — художественного руководителя Театра Сатиры Александра Ширвиндта. Юбилар, как и планировал, свой юбилей «зажал» и отправился из Москвы с глаз долой, чтобы не устраивать торжественных приемов с адресами и заздравными панегириками. Как показали результаты журналистского расследования, Александр Анатольевич предпочел торжественным собраниям отдых с удочкой на Валдае. Предполагая такой ход событий, «ВК» ворвался в кабинет сатирического худрука перед юбилеем и попросил немного поностальгировать. Тем более, что этот сезон для Ширвиндта вдвойне юбилейный: в октябре его родному театру исполнится 80.

— Александр Анатольевич, как в вас проник вирус актерства?

— Ну, это штука эмбриональная, почти физиологический процесс: разум сюда подключать невозможно. Ведь актер — это уникальная профессия. Ведь только он после работы может говорить о работе. Вы же не можете представить, чтобы сантехник пришел домой и за ужином рассказывал о том, какой ему сегодня попался уникальный унитаз. А актер обязательно после спектакля будет еще до ночи его обсуждать. И это всасывается с младенчества. Мой отец был скрипач, мать — редактором Филармонии. И весь круг их друзей, в том числе партнеров по преферансу, — это были актеры, музыканты. Я это впитывал. Хотя класс с 9-го родители всячески старались отторгнуть меня от этой профессии, зная, что это за Голгофа. И мы, и все мои друзья тоже пытались отвести наших детей от театра, но ничего не получилось.

— Почему после Шуки вы не пошли в Вахтанговский театр?

— Там была какая-то особая дипломатия со стороны Рубена Николаевича Симонова. Он коллекционировал артистов из своей кузины — Шкуинского училища. И, говорят, хотел нас взять, но что-то не сошлось. Видно, не хотел нас брать в запасник, а ролей не было. И я пошел в Театр Ленинского комсомола, где главенствовали Софья Гиацинтова и Серафима Бирман. Там у меня была длинная судьба... Прошел через пики и падения этого театра. Застал счастливое время работы с удивительным Толей Эфросом. А потом, когда все кончилось, мы с ним перешли на Бронную. Откуда Марк Захаров и Андрей Миронов переманили меня в Сатиру.

— Вы во всем сходились с Эфросом?

— Я еще со школьной скамьи был предрасположен к шутке, к розыгрышу, к легкому жанру, к эстраднему пребыванию на сцене. А Эфрос был человеком глубинным, таким «драмокопателем». Он не мог ставить Бог знает что. Но иногда нужно было оправдывать название театра Ленинского комсомола. Однажды он поддался на уговоры и решил поставить какую-то ужасно «фанерную» пьесу о войне. Мы его отговаривали, а он уперся. И мне пришлось играть Гудериана. Да-да, того самого — немецкого танкового генерала. Гудериан был такой красивый, с седыми висками. А начальника концлагеря играл Миша Державин. Там было все: только, пожалуй, партизан не

пытали... Но это, конечно, из разряда курьезов. А по-настоящему с ним было очень интересно работать. Однажды они с Радзинским решили поставить спектакль под названием «Снимается кино» — аллюзию двух авторов по поводу «8?» Феллини. Там были замечательные актерские работы! Я играл «советского Мастрораянну». А героиню играла Ольга Яковлева. Это был знаменитый спектакль... Он из меня пытался выбить все мои эстрадные ухмылки. И в «104 страницах про любовь» тоже выбивал...

— ...и в Тригорине?

— Тоже. Кстати, неплохая была «Чайка» — незаслуженно забытая в ряду эфросовской классики. Я такого точного распределения актеров больше никогда не видел: Яковлева — Заречная, Фадеева — Аркадина, Вовси — Сорин, Пелевин — Дорн. Как будто Чехов писал «Чайку» именно для этого состава... И я, объективно говоря, Тригорина играл хорошо!

— Остались ли у вас нереализованные актерские мечты?

— Да, например, Бендер и Кречинский, которых я уже не сыграю. Кстати, Гайдай пробовал меня в свои «12 стульев» на Бендера.

— Но ведь была попытка сыграть Кречинского в Театре сатиры?

— Да, была. Поставил спектакль Миша Козаков в Малом зале. Плучек посмотрел и одобрил. Мы спустились вниз, на основную сцену. Но тут Миша захватил, что-то ему не понравилось. Потом он уехал. Причем, непонятно, то ли он уехал в Израиль потому, что я не сыграл Кречинского, то ли наоборот: я не сыграл Кречинского, потому что он уехал в Израиль.

— Где-то было написано: Александр Ширвиндт — актер габеновского типа и с годами почти не меняется. Мне кажется, что это — неправда, потому что роль бомжа в «Привете от Цюрипы» — это нечто новое в вашем имидже. Это был какой-то новый этап?

— Конечно, в «Цюрипе» я внутреннее свое состояние, свою сущность решил вынести наружу. А что касается цитаты, то я готов с ней согласиться. Потому что там упоминается Габен. Пусть говорят, что я такой же одинаковый, и такой же плохой, как он.

— Известно, что ваши интересы никогда не ограничивались только театром...

— Да, одно время я обожал радио. У меня есть даже грамота «За лучшую праздничную передачу к 50-ле-

тию Советской власти». Я писал тексты, монтировал, записывал. А сколько у меня было своих передач на телевидении! Помнишь, «В гостях у Жарова, у Утесова, у Богословского»? В этих «Театральных гостиных» тогда была атмосфера доброты и раскрепощенности. А сейчас — химия и злость. Потом начал увлекаться эстрадой: писали и ставили вместе с Аркановым. И педагогикой я занимался.

— И для цирка ведь писали репризы!

— И это было. Причем там была особая система оплаты в отличие от других сфер. На эстраде приходит артист к автору, просит написать монолог. Платит ему 50 рублей. Потом читает на эстраде — ни одного звука в зале. Но поезд ушел! А в цирке не так. Был такой клоун Борис Вяткин, ему сказали, что есть два шпаны, которые весело пишут. И мы узнали от него, что платят там только тогда, когда над твоими реприжами смеются зрители. Великая система! То есть, чего не назывешь, все у меня было. Но я подумал: «А чего я еще не делал? Ага, я не был художественным руководителем!»

— Что за эти почти четыре года «правления» в театре превалировало в вашей жизни: радости, озарения, печали или, может быть, такое состояние, как в анекдоте: бросить все и махнуть в Урюпинск?

— Все эти компоненты, что ты перечислил, периодически возникают... То кажется: вот-вот сейчас будет свершение, то вдруг возникает Урюпинск. И это продолжается три года. Должность, конечно, оказалась жуткая, потому что в театре, как известно, все гении: непонятые или несостоявшиеся. Они должны все время играть Гамлетов... И за репертуаром надо следить, и зрителей надбавывать.

— Вам-то жаловаться грех: народ в Сатиру валом валит.

— Да, в общей сложности выпустили 5 премьер. Могли бы, наверное, и больше, но мы же не резиновые, денег-то у нас — не шибко, поэтому мы не можем лепить по 3 премьеры в месяц. Из последнего более-менее шлягерного могу назвать спектакль «Слишком женатый таксист». На него, конечно, — обвал.

— Вы начали свою работу в качестве худрука с замечательного спектакля «Андрюша». Какова его судьба?

— Знаешь, с этим «Андрюшей» феномен какой-то. Дело в том, что я делал его к 60-летию Андрюши Ми-

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«ХОМО ЭРЕКТУС» – «ЧЕЛОВЕК СТОЯЩИЙ»

ронова. И думал, что его посмотрят друзья, интеллигенция, московская элита, потом, может, пять-шесть раз сыграем. А играем уже три с половиной года... Москва, Америка, Израиль, – везде аншлаги. И это удивительная история. Вопрос забвения имен – это совершенно не изученная проблема. Есть масса замечательных личностей, которые канули в Лету, и есть такого же уровня личности, типа Андриюши, которые почему-то с годами приобретают флер вечности. И поэтому спектакль смотрят даже те люди, которые, в общем, фрагментарно знали Андрея в силу возраста. Он умер очень много лет назад, когда нынешним 20-летним было 5 или 6. Но все равно им это интересно, потому что существует шлейф популярности. Так что вот играем, играем. Не знаю, сколько еще потянем.

– За годы работы в качестве худрука вы сами сыграли всего одну роль – Орнифля. Тут недавно показывали какой-то старый фильм, и я увидел вас с какой-то иной стороны. Мне показалось, что вы ко всему прочему – трагический актер. Неужели не хочется чего-то серьезного? Или вы уже наигрались?

– Ну, во-первых, немножко наигрался, во-вторых, где пьеса? Просто выйти и плакать без слов? (Смеется)

– Тот же самый булгаковский «Мольер», мне кажется, просто ждет вас...

– Наверное... Но очень хочется найти что-то такое не совсем эксклюзивное, но все-таки... И еще хочется, чтобы материал был свежий. Вот это, конечно, проблема.

– Сактером Ширвиндтом – все ясно. Возвратимся к художественному руководителю. Вам часто приходится вмешиваться в деятельность тех режиссеров, которых вы приглашаете?

– Нет, только мягкими советами, намеками. А так, чтобы сесть, отодвинуть его в сторону, нет. Это очень опасный путь.

– Было ли что-нибудь за эти три года, что вам категорически не понравилось в работе пришедших режиссеров?

– В общем, нет. У нас была проблема со спектаклем Владимира Иванова «Время и семья Конвей». Не потому, что это мне не понравилось, а потому что мы не угадали с материалом. Как лаборатория для актеров, это было хорошо. Но в результате получилась такая немножечко домашняя радость. Я не ожидал. Тем не менее, когда мы его перенесли наверх, в Малый зал, там уже для 150 человек он приемлем. Наверное, Иванова можно было использовать пошарнее. Больше, вроде такого не было, не помню...

Была напряженка с Козаковым в «Игре», но это – вследствие его «оптимального» характера.

– Вы всегда в театре были просто Шурой или для молодых – «дядей Шурой». Сейчас вы художественный руководитель. Наверное, испортили с кем-то отношения?

– Нет, отношения те же, но все равно Шурой так и остался, к сожалению.

– Почему к сожалению? Разве это плохо?

– Да, но все равно это получается – «вась-вась». Знаешь, нужно ведь кнутом и пряником, как говорил Плучек. Кнута не получается. Не потому, что я с трудом его держу, а потому что есть это вот «Шура-Шура». Вот если бы я поступил куда-нибудь в театр «Х», тогда – другое дело. А здесь все равно свой.

– Это мешает?

– Ну конечно, это мешает с точки зрения руководящих интонаций. Но, куда не денешься.

– Теперь пора поговорить о профессоре Ширвиндте. Ваши студенты в «Щуке» вас всегда обожали. Помню, когда у вас украл джип, девочки плакали. Чем вы их берете, есть ли у вас какая-то особая метода?

– Нет у меня никакой методы. Я хочу только, чтобы они остались людьми. Причем, интеллигентными.

– Правда, что они у своего профессора всегда стреляли деньги до стипендии?

– Никогда! Сам давал.

– Недавно с недоумением прочитал, что вы бросили Щукинское училище. Это правда?

– После того, как я выпустил курс, я два года там не работал. А сейчас я опять поставил дипломный спектакль, называется он очень неожиданно: пьеса, совершенно вынутая из небытия – Шекспир, «Двенадцатая ночь». (Смеется)

– Вы курс ведете или просто ставите?

– Нет, что ты! С руководством я завязал на всю оставшуюся жизнь.

– Почему? Вы же так любите это дело?

– Да, любил, но я ответственный, к сожалению. Приходится залезать в дело с головой, а я сейчас физически не могу этого. А спектакль вот сейчас ставлю. Кроме того, мне нужно, смотреть и думать насчет молодежи. Одно дело, когда показываются в театр выпускники, а другое дело, когда там внутри варишься, и знаешь, кто есть who.

– Чем будете удивлять в дни 80-летия театра?

– Хочу сделать юбилейное обозрение. Не юбилейное зрелище, а именно обозрение, чтобы его играть. Я хочу сделать пародию на юбилей. Вот на все эти тусовки. Все это хочется сделать в пародийном плане. Сами себя поздравим в этом хамском ключе.

Следующий «подарок» к юбилею – моя давнишняя мечта – Аверченко. Я с ней ношу уже три года. Когда-то я в училище делал дипломный спектакль. И даже хотел этим заниматься в театре, но потом утонул в материале. Собралась куча материала – до потолка, и все симпатичное, и все хочется, а как?! Значит, нужно было найти какой-то драматургический ход для этого. Тогда я бросился к любимому моему Сереже Коковину, который, с одной стороны, режиссер, с другой, – литератор и драматург. Он тоже увлекся этим делом, и придумал инсценировку. Хочется, чтобы юбилейная афиша была разнообразная. Еще вот лежит пьеса Юрия Полякова. Называется «Хомо эректус» – «Человек стоящий». Это комедия, тоже очень современная. И я должен над ней начать работать сейчас в качестве постановщика. Вот видишь, как много надо сделать, а времени мало. А ты спрашиваешь, когда я начну играть.

Беседовал
Павел ПОДКЛАДОВ

